

В комнате Лу было узкое окошко, и на следующее утро Се Чжэн проснулся от бьющего в глаза света. Бледно-золотистое утреннее солнце просачивалось сквозь проем, подсвечивая парящие в воздухе пылинки.

Се Чжэн услышал за дверью голоса.

— Лу Лу, забери деньги назад.

— Я же сказал, мне хватает. Бабушка, считай, что ты помогаешь мне копить.

— Точно хватает?

— Ага! Не волнуйся, всё хорошо, честно-честно!

— Ты заходил к доктору Ли в последнее время?

— Заглядывал к нему на каникулах. Он в такие годы здоровее меня, только, кажется, еще немного раздобрел...

— Сходим подстричься сегодня? Волосы уже глаза закрывают.

— Не буду! Я их специально отращиваю, бабушка, ты не понимаешь.

— И что, это красиво? Спроси у своего учителя Се, что он об этом думает.

— А учителю Се очень нравится!

Самый обычный разговор, но Се Чжэн слышал такие диалоги разве что в сериалах или книгах. В его семье подобное было просто невозможно: между ним и родителями существовало только два состояния — либо угрюмое молчание, либо взаимные колкости.

Се Чжэн бессознательно коснулся татуировки в виде рисового шарика на плече. Дверь в спальню приоткрылась.

Лу заглянул внутрь и громко крикнул наружу:

— Проснулся, проснулся!

— Бабушка настояла, чтобы я проверил, встал ли учитель Се, иначе её каша остынет, — Лу жестом показал размер порции. — Моя бабушка варит потрясающую кашу с мясом. Дядя Се, попробуешь — сам поймешь.

Се Чжэн и правда почувствовал в воздухе аппетитный аромат еды.

Он лениво протянул руку:

— Подай одежду.

Лу протянул ему рубашку, но Се Чжэн не взял её. Вместо этого он выставил руки, намекая, чтобы парень его одел. С улыбкой на лице Лу взял Се Чжэна за руки, продевая их в рукава, а затем наклонился, чтобы застегнуть пуговицы.

Стоило ему приблизиться, как Се Чжэн снова ощутил запах грейпфрута — еще более густой, чем вчера в машине. Кожу Альфы начало ощутимо покалывать.

— У тебя точно начинается гон. Приготовь подавитель.

Лу, смеясь, повернул голову, показывая место за ухом:

— Дядя Се, после твоих вчерашних слов я сразу его нашел и наклеил.

Коричневый круглый пластырь красовался за ухом Лу; на его белой коже он выглядел очень ярко. Се Чжэн прихватил губами мочку уха парня и принялся медленно покусывать её, как привык покусывать фильтр сигареты. Из горла Лу вырвался приглушенный стон, похожий на скулеж новорожденного щенка.

Се Чжэну очень нравились такие звуки. Видеть, как другой Альфа возбуждается из-за него, было для него особым удовольствием.

Он самодовольно вскинул бровь и спросил:

— Значит, в этот раз гон и правда раньше срока? Не из-за меня ли? Неужели так сильно любишь дядю?

Лу пристально посмотрел на Се Чжэна, ничего не отвечая. В полной тишине он застегнул последнюю пуговицу на его рубашке.

После завтрака Старина Тянь уехал по делам Се Чжэна, а сам Се Чжэн отправился на прогулку вдоль берега под предводительством Лу. В лучах золотистого солнца Лу Лу напоминал Се Чжэну дольки грейпфрута на хрустальном блюде со льдом — такой же чистый, яркий и радующий глаз. Это позволило Се Чжэну великодушно простить парню его аляпистую гавайскую рубашку, которая нещадно резала глаз Альфе-эстету.

После обеда Лу повел его смотреть ту самую вишню. Знаменитое когда-то озеро Принцессы превратилось в заброшенную лужу, а вишневое дерево сиротливо стояло на берегу.

Се Чжэн прикинул время:

— Когда я был в Хуайлю в прошлый раз, тебе было всего три года.

Ужас какой. Се Чжэн почувствовал себя так, будто эксплуатирует детский труд.

На обратном пути от озера дорога шла под уклон. Несколько детей на самокатах с криками неслись вниз. Один из них чуть не влетел в Се Чжэна; Лу успел оттолкнуть мужчину, но сам принял удар на себя. Он сильно ободрал локоть. Ярко-красная кровь потекла по предплечью и пальцам, мгновенно собравшись на земле в маленькую алую лужицу.

Се Чжэн тут же схватил виновника за шиворот и приподнял в воздух:

— Глаза на затылке носишь? Говори.

Се Чжэн внешне усмехался, но его взгляд был тяжелым, а аура — угрожающей. Любой бы понял, что он в ярости. Ребенок от испуга забыл, как плакать, и только испуганно хлопал глазами.

Лу, напротив, прыснул от смеха:

— Дядя Се, я в порядке.

Он спас ребенка из рук Се Чжэна:

— Всё, всё, скажи «извините», и я вас прощу.

Дети, дрожа, даже отвесили поклон:

— Простите, братик.

Лу улыбнулся:

— Идите.

Пока они говорили, кровь продолжала капать с кончиков пальцев Лу. Се Чжэн, повидавший немало драк, инстинктивно почувствовал неладное:

— Ты что, артерию задел?

— Вряд ли.

Лу невинно моргнул:

— На самом деле у меня плохая свертываемость крови. Обычно, когда ты меня кусаешь, ничего страшного, но такие большие раны заживают с трудом.

Се Чжэн: «...»

Он начал судорожно вспоминать, сколько следов от укусов оставил на теле парня. Мать твою, а если бы он один раз прикусил не там, и Лу истек бы кровью прямо у него в постели? Теперь его список преступлений пополнился не только «детским трудом», но и «жестоким обращением». И ведь молчал об этом, дурень!

Се Чжэн выругался:

— Пошли, в больницу.

— Не... — Лу хотел было отказаться, но получил легкий пинок:

— Заткнись. Хватит со мной спорить.

В больнице врач успокоил, что ничего критичного нет. Кровь остановили, а руку Лу замотали так густо, что она стала похожа на огромный голубец.

Лу выставил круглую ладонь:

— Выглядит аппетитно.

Се Чжэн как-то странно посмотрел на него и вдруг спросил:

— Так ты не даешь мне быть «сверху» именно из-за этого? Боишься травм?

Лу лишь невнятно хмыкнул и с улыбкой уставился в небо, не проронив ни слова.

Се Чжэн закурил и без лишних церемоний отвесил Лу несколько щелчков по лбу:

— Ну ты и хилак. В следующий раз включу тебя в список на корпоративный медосмотр.

— У вас даже медосмотры есть? — Лу звучало это заманчиво. — Хорошие условия.

Се Чжэн поддразнил его:

— Окончишь университет — приходи ко мне в компанию на собеседование.

— Профиль не тот, — возразил Лу.

Се Чжэн хмыкнул:

— И что с того? У меня полно людей не по специальности. Тот же Сун Цинъюань проработал у меня месяц.

Услышав имя Сун Цинъюаня, Лу на мгновение замер. Его лучезарная улыбка немного потускнела:

— Дядя Се, можно не упоминать учителя Суна?

«Бойтся его, что ли?» — подумал Се Чжэн, выпустив дым и безразлично пожав плечами.

Из больницы они вышли поздно, и пока болтали, город окончательно накрыли сумерки. Они неспешно шли к дому, и у самого подъезда Лу вдруг поднял голову и крикнул в сторону одного из окон:

— Бабушка!

Се Чжэн проследил за его взглядом и увидел в теплом оранжевом свете силуэт пожилой женщины. Бабушка ничего не сказала по поводу травмы внука, но Се Чжэн, на которого редко находило подобное чувство, ощутил укол совести и отправил сообщение Старине Тяню, чтобы тот завтра привез побольше гостинцев.

Ночью они снова втиснулись на узкую кровать. Се Чжэн помнил, как перед сном Лу спрашивал, куда они пойдут завтра, но сам он не помнил, ответил ли что-то перед тем, как провалиться в сон.

Старина Тянь был прав: на кровати шириной 1.8 метра двум взрослым мужчинам было тесновато, особенно в середине мая, когда температура росла с каждым днем. У Лу была высокая температура тела, он грел как маленькая печка. Раздраженный жарой, Се Чжэн перевернулся, пытаясь отодвинуться, и в какой-то момент почувствовал, что падает.

Чья-то рука крепко схватила его до того, как он коснулся пола — Се Чжэн почувствовал текстуру марли. Он ухватился за руку Лу, чтобы восстановить равновесие, и в полусне придвинулся ближе, прижавшись щекой к его груди. Лу всё еще держал его за плечо; со стороны эта поза выглядела максимально интимной.

Лу опустил глаза, долго и молча глядя на резкие черты лица спящего Се Чжэна. Он чувствовал, что что-то не так: сердце бешено колотилось, тело горело, было ощущение, будто его поджаривают на огне.

Се Чжэн внезапно вскочил и несколько раз чихнул:

— Мать твою!

Только в этот миг Лу осознал, что его гон разразился в полную силу. И всё из-за одного объятия Се Чжэна?

Он тоже резко сел, собираясь потянуться за подавителем на тумбочке, но на полпути его рука изменила направление. Он обхватил лицо Се Чжэна ладонями. Лу впился зубами в воротник его рубашки, терзая ткань и оставляя на ней темное влажное пятно.

Се Чжэн, проморгавшись, тоже понял, в чем дело. У каждого Альфы симптомы гона свои: Се Чжэн после инъекции мог спокойно пить с друзьями, не замечая дискомфорта. Другие же могли только кататься по полу в облаке собственных феромонов. У Лу реакция, видимо, была из сильнейших.

Запах грейпфрута в комнате стал настолько концентрированным, что хотелось чихать. Из-за реакции отторжения между двумя Альфами кожа Се Чжэна снова начала ныть. Лу покрывал поцелуями его шею, добравшись до кадыка; его крепкие зубы касались кожи так, что казалось — еще секунда, и он прокусит её до крови.

Се Чжэн слышал его тяжелое дыхание. В темноте он не видел лица Лу, только силуэт, и в этот момент Лу казался ему по-настоящему взрослым мужчиной — очень сексуальным. Губы и язык Лу медленно переместились к затылку Се Чжэна. Тот почувствовал, как Лу прихватил зубами его кожу.

— Мать твою... Глупый олень, приди в себя! — Се Чжэн попытался вырваться, но Лу так сильно прижал его запястья, что Альфа на мгновение не смог пошевелиться. — Я Альфа! Ты не сможешь меня пометить, даже если загрызешь до смерти!

Дыхание Лу опалило затылок Се Чжэна:

— ...Попробуем?

Как только слова сорвались с губ, Се Чжэн почувствовал, как что-то острое вонзилось в его затылок. Запах табака и перца сплелся с резким грейпфрутом. Се Чжэн ощутил, как что-то впрыскивается в его железу Альфы, скрытую под кожей — ту самую, которая не предназначена для метки. Ощущение было таким, будто в него вбивают зубило; острая боль заставила всё тело онеметь.

Се Чжэн, почти беспомощный, мертвой хваткой вцепился в простыни под собой. С головокружением и помутившимся сознанием он выгнул свою поджарую спину, словно туго натянутый лук. Телефон под подушкой издал несколько сигналов уведомлений, но Се Чжэну было не до них.

Он слышал лишь свой собственный дрожащий голос, молящий о пощаде:

— Кто-нибудь... на помощь... так хорошо... спасите меня...

<http://bllate.org/book/17015/1608470>